

*Россинская Светлана Владимировна,
гл. библиотекарь библиотеки «Фолиант»
МБУК «Тольяттинская библиотечная корпорация»*

Эдуард Асадов: Для поэта не бывает смерти!
*Вечер - портрет к 7 сентября 2013 года - 90-летию со
дня рождения советского поэта – фронтовика (1923-2004)*

3 сентября 2013 года в Литературном клубе «Прикосновение» библиотеки «Фолиант» МБУК ТБК в преддверии 90-летия со дня рождения поэта - фронтовика состоялся вечер - портрет «**Эдуард Асадов: Для поэта не бывает смерти!**». На нем присутствовали 25 человек.

С большим уважением отношусь к жизненному подвигу и нелегкой судьбе Асадова - одного из популярнейших поэтов советского периода. По жизни мне очень часто приходится вспоминать его знаменитое четверостишие:

В любых делах при максимуме сложностей
Подход к проблеме все-таки один:
Желанье - это множество возможностей,
А нежеланье - множество причин.

Как ему удалось стать самым известным советским поэтом?

Не спорьте со мной - самым! Герой, красавец, мученик, моралист, любимый автор солдатского, сержантского и офицерского состава, кумир состава стародевического, девического и женского, геологического и подводнического, студенческого и пролетарского!

Популярность - не качественный показатель, она об аудитории и о поэте говорит поровну... Но факт есть факт: в славе с Асадовым не могли соперничать ни **Евгений Евтушенко**, ни **Булат Окуджава**, ни **Белла Ахмадулина**. Их слава - хоть чуть-чуть, а элитарная. А Эдуард Асадов был любимым поэтом советского народа - с конца 50-х и до начала 80-х, а по некоторым сведениям, и позже.

Ни одного поэта в мире, кроме разве что **Сергея Михалкова**, автора Государственного гимна СССР, так не издавали! А Асадов не был автором Государственного гимна, он сочинял лирику - любовную и патриотическую. Суммарный тираж книг Асадова, которых было издано около сорока, достиг в 70-е годы трех миллионов, и их было не достать!

Поэт не имел от государства наград, кроме боевых, не награждался премиями, не печатался в журналах, не занимал должностей, не участвовал в проработочных кампаниях. И даже самый упорный ненавистник его поэзии по-человечески не упрекнет его ни в чем.

Потому что не в чем!

Давайте и мы с вами вместе с читателями библиотеки «Фолиант» чуть ближе прикоснемся к биографии Асадова, послушаем воспоминания о нем **Нины Кравцовой**, современницы поэта (ей удалось застать поэта живым и побывать на его поэтическом концерте).

Заочно слушаем стихи в исполнении тольяттинских чтецов - **Татьяны Сизовой** («Россия», «История под огнем», «Порочный круг», «О сквернословии и святом», «Любовь, измена и колдун», «Только знать бы, что все не зря», «Жены фараонов») и **Надежды Сергеевны** («Люди слова», «Солдат», «Девушка и лесовик», «Домовой», «Аптека счастья»), **Татьяны Кузнецовой** («Баллада о рыжей дворняге») и поэтессы **Валентины Шабалиной** («Я в глазах твоих тону», «Не уходи из сна моего», «Скажите, вы когда-нибудь любили?»)

А также проанализируем достоинства и недостатки поэзии Асадова и попытаемся понять причины его популярности в не столь далеком прошлом.

Итак...

Чудеса случаются...

В 1943 году, после взятия Перекопа, на Ишуньских позициях в Крыму генерал **Иван Стрельбицкий**, командующий артиллерией Второй гвардейской армии, инспектировал свои батареи. На одной из них он заметил молодого лейтенанта, судя по внешности - южанина, который постоянно шутил с солдатами, командовал легко и весело и под непрерывным вражеским обстрелом чувствовал себя, как на прогулке. Солдаты его обожали.

В штабе армии генерал распорядился узнать, как зовут этого храброго парня. Позиции бомбили, связь прерывалась, и по радиации едва удалось разобрать, что фамилия лейтенанта будто бы Осадчий.

В следующий раз генерал встретил знакомого лейтенанта полмесяца спустя, уже под Севастополем. Тот на грузовике привез в полевой медсанбат раненного в обе ноги старшину. Генерал ему выговорил за то, что старшину везли, не дожидаясь темноты, и запросто могли попасть под обстрел... Лейтенант виновато ответил, что боялся медлить - вдруг гангрена? Генерал подивился храбрости, не стал его особенно распекавать и отправил обратно на позиции.

В тот день батарею этого лейтенанта разбили: артиллерия была на максимум - на четыре километра, так что к врагу ее придвинули буквально вплотную. В считанные часы не осталось ни одного целого орудия. Снаряды, однако, уцелели, и лейтенант со своим шофером **Витей Акуловым**, бывшим военным моряком, повез их на соседнюю батарею, где еще было из чего стрелять.

Это был не просто подвиг, это было самоубийство: дорога простреливалась идеально. Машина еле карабкалась в гору. На полпути они заглохли, Акулов со всей силы жал на тормоза, лейтенант выскочил, долго под огнем крутил ручку и чудом завел мотор. Подъем кое-как одолели, вылезли на плоскогорье, но тут их стало видно уже отовсюду: налетели два «юнкерса».

Лейтенанту вместе с Акуловым пришлось выпрыгнуть из машины и залечь под колеса. «Юнкерс» заходил прямо на них. Лейтенант успел еще пошутить в своей манере - береги, мол, прическу, Акулов, - и тут же рядом, в траншею, ухнула бомба. Осколки, по счастью, пошли вверх, тут подоспели наши истребители, «юнкерсы» ушли, а лейтенант пошел впереди еле двигающейся машины, показывая маршрут среди воронок.

Уцелевший Акулов расскажет обо всем этом, но позже, много позже...

Батарея, куда они ехали, была уже в двух шагах, лейтенант замахал рукой - и тут же рядом разорвался снаряд. Все, кто наблюдал за лейтенантом с его батареи, не сомневались: погиб. Чудес не бывает. Самое обидное в том, что снаряды эти он, по сути дела, довез, успел, и было ему всего двадцать лет, и все его так любили!

Генерал Стрельбицкий о нем потом спросил. Ему так и доложили: вез боеприпасы на соседнюю батарею... выхода не было - у него не из чего стрелять, у соседа нечем... довез, но у самой цели погиб.

Иван Семенович, всего-то два раза его и выдавший, очень о нем горевал и на всю жизнь запомнил лейтенанта Осадчего. Ведь накануне видел его, спасающего жизнь старшине, чуть не распек... ах, знать бы!

На всех встречах с пионерами, которых после войны у него было много, он рассказывал про черноглазого лейтенанта, а после одной из таких встреч услышал, как артист филармонии читает стихи поэта **Асадова** - как раз о защите Севастополя. Поэт тоже там воевал и, по мнению генерала, в материале ориентировался. Стрельбицкий решил с ним созвониться и рассказать про лейтенанта: может, Асадов напишет, он поэт

известный, пусть молодежь знает... к тому же он наш, крымский, воевали рядом - должен понять!

Он достал в Москве телефон Асадова и стал ему рассказывать про молодого веселого лейтенанта, которого так любили солдаты, который так лихо закуривал под огнем. И над шутками его покатывались все - представляете, он одному молодому солдату сказал, чтоб тот берег уши, а то по лопухому легче попасть... И это как раз перед тем, как ехать на смерть! Надо написать, пусть знают, погиб же парень всего в двадцать лет!

- *Не погиб*, - сказал Асадов после некоторой паузы. - *Вы меня не узнаете, Иван Семенович?*

Карабахский армянин Эдуард Асадов, - именно его непривычную для русского слуха фамилию генерал Стрельбицкий запомнил для себя как «Осадчий», - был тогда ранен в голову, перенес двенадцать операций (почти все - под местным наркозом или вовсе без него), навсегда потерял зрение и стал самым популярным советским поэтом.

Нечеловеческой своей волей он заставил себя перелопатить на слух гору литературы, окончить Литинститут (вместе с **Тендряковым, Гамзатовым, Бондаревым**), выучился печатать и обращаться с любой техникой. Умел столярить, слесарить, шить, полностью сам себя обслуживал. Свободно ориентировался в комнате, при этом двигался со своеобразной, восточной грацией. Люди забывали о его слепоте, хотя лицо с неизменной черной повязкой выглядело подчас пугающе.

Они студентами были, они друг друга любили...

Первый брак Асадова оказался несчастливым. После ранения он был убежден, что жизнь его кончена, что он никому теперь не нужен...

- *Две вещи тогда спасли меня: письмо Чуковского и женская любовь*, - рассказывал Асадов. - *Я писал стихи с детства и в конце войны Чуковскому послал их потому, что знал: этот критик снисходителен не будет. Он, действительно, так меня разнес - живого места не осталось. А в конце приписал: и все-таки вы истинный поэт со своим голосом, со своим дыханием, иначе бы не стоило всего этого Вам писать.*

А второе, что меня спасло, - женщины. Не меня выбирали, а мне пришлось выбирать: шесть девушек сами предложили мне руку и сердце. Я был довольно интересный, - могу это о себе сказать, потому что сейчас все это в прошлом, - так что женщины меня любили. Я, конечно, не был ловеласом, но многое из того, что я пишу, - было со мной. Я выбрал тогда не лучшую. Не хочу об этом много говорить: она обманывала меня.

За асадовскими умолчаниями стоит история почище набоковской **«Камеры обскуры»**: обмануть его, незрячего, было просто. Так что история о студентах, которые друг друга любили, а потом он застал ее с другим и ушел, не взяв **«ни рубля, ни рубашки»**, - не романтический вымысел.

Со второй женой, **Галиной Валентиновной**, Эдуард Асадов познакомился, когда они, молодые поэты, читали на Стромынке, в конце августа 1961 года. Она просила ее пропустить вперед: артистка, чтица, уезжает на гастроли... **«А что у вас за программа?»** - спросил он. Она ответила: **«Женщины-поэтессы в борьбе за мир»**. Асадов пошутил в ответ: первый раз слышу, чтобы за мир боролись по половому признаку, что-то в этом роде... Она обиделась. Потом осталась его послушать. Ей понравилось, она стала включать стихи Асадова в свои программы...

С тех пор они уже не расставались и выступали вместе.

Без единой публикации

Эдуард Асадов жил в маленькой квартирке в Москве недалеко от проспекта Мира. Никаких доходов, кроме пенсии, у него не было. Сумму пенсии поэт называть

отказывался. Гордость сохранил вполне, достоинство - тоже. Никакой зависти, никакого злопыхательства в адрес более удачливых литераторов у него никогда не было, никакой обиды на то, что его никто не помнит... В прессе, в столичных газетах, в «толстых» литературных журналах о нем не было ни слова. И это было в те времена естественно.

Никто не верил, что фронтовик выжил. А он был жив, прекрасно выглядел и каждое утро делал двухчасовую гимнастику с четырехкилограммовыми гантелями.

Воле его удивлялись даже врачи.

- Когда мне было пятьдесят, женщина-врач мне сказала: пора бросать курить, - рассказывал Асадов.- Как, я же курю с двенадцати лет, начал во дворе, на «слабо»! Тридцать восемь лет курю - главным образом, папиросы. Ну вот, говорит врач, не хватит ли? И я решил: хватит. Я пришел домой и сказал домашним: все, я выкуриваю свою последнюю папиросу. Никто не принял этого всерьез. Я положил около кровати пачку «Казбека» - в ней оставалось двенадцать папирос - и спички. В этой пачке до сих пор двенадцать папирос.

И все это время он писал - практически без единой публикации, с твердо приставшим к нему ярлыком графомана и имитатора, олицетворенного кича...

А народ любил и помнил своего поэта! Так, например, была у Асадова маленькая дача в Красновидове: единственное, по сути дела, его достояние. Все, что нажил он за несколько десятилетий непрерывной работы и исключительной славы, все, что скопил почти ежедневными выступлениями и множеством книг. И на эту дачу, где была неисправна телефонная линия, ему все время звонили, попадая не туда.

- Это больница?

- Нет, это дача поэта Асадова, - отвечала его жена.

- Поэта Асадова?! Это который - «а счастье, по-моему, просто бывает разного роста»?

- Да. «От кочки и до Казбека, в зависимости от человека».

Вот это и называется славой - когда вам ошибочно звонят на квартиру и цитируют ваш текст, едва услышав фамилию. И это после десяти лет глухого официального забвения!

«По мнению **Дмитрия Быкова**, современного писателя, критика и литературоведа, «официальное забвение всегда постигает в нашей стране кумиров массовой культуры». А то, что Асадов принадлежал к кумирам, не вызвало бы особых возражений даже у него самого. Его стихи - тоже литература, только другая. Феномен, отчасти близкий, с одной стороны, к фольклору, а с другой стороны - к поп-культуре.

Если поэт состоялся, он состоялся навсегда

При жизни поэта критики сетовали, что в его сборнике из 127 стихотворений 111 заканчиваются восклицательным знаком, а количество штампов вообще не поддается никакому учету. Асадов не обижался ни на критику, ни на официальное забвение. Он каждый день работал и продолжал ощущать связь со своим народом. Они были нужны друг другу.

И у него был свой, давно отработанный механизм. Он наговаривал на магнитофон, потом слушал, правил и печатал на машинке, а печатал он со скоростью профессиональной машинистки.

При встрече с Асадовым в 1999 году Дмитрий Быков спросил:

- Эдуард Аркадьевич, почему, по-Вашему, Вы были в числе самых известных русских поэтов?

- Я убрал бы слово «был»... Если поэт состоялся, он состоялся навсегда. Я, мне кажется, имею право о себе так сказать. Помните, Доризо писал - «чтоб именем стала фамилия»? Меня по-прежнему узнают в электричках, звонят домой, я получаю читательские письма - всего за годы моей литературной работы их больше ста тысяч...

И выступления бывают, только ведь наша культура сейчас растоптана. Нет поэтических вечеров, нет встреч в концертной студии «Останкино»...

Нет бюро пропаганды, устраивавшего выступления... Вот совсем недавно я выступал в училище пограничных войск в Голицыно. Сначала читал я, потом - курсанты, а потом вышел заместитель начальника училища и сам прочел мои стихи «Россия начиналась не с меча».

А почему их любят... поэту неловко себя хвалить. Человека обычно интересует то, что о нем. Вот мои стихи - они о моих читателях. О рабочих и об интеллигенции, которые, между прочим, у нас в Советском Союзе не так уж и отличались по уровню... Можно было приехать на завод, на ферму - и читать самые серьезные стихи.

Форма существования асадовских стихов всегда была специфична: он не был традиционным поэтом с журнальными публикациями, критическими обсуждениями, узким, но верным кругом приверженцев. Больше всего его жизнь и работа сходны с жизнью и работой эстрадной звезды: огромное количество разъездов и гастролей. Слава Асадова была такова, что он давал по три, по четыре вечера подряд - и люди всё шли и шли, некоторые - по многу раз, и билетов не хватало.

Стотысячные тиражи его сборников разлетались стремительно. В журналах он почти не печатался, прекрасно понимая, что литература в ее традиционном понимании - все-таки не совсем его среда. Его тексты, как песня, рассчитаны были, главным образом, на устное произнесение, на мгновенное восприятие.

Тому есть простое объяснение: в силу самой своей биографии он оказался поэтом устной традиции, поэтом, лишенным зрения и чтения, воспринимающим слово на слух. Азбука Брайля казалась ему слишком медленным, неудобным способом чтения. Поэтому жена читала ему вслух, и он следил за всеми новинками...

Асадов всегда просил своих собеседников не делать акцентов на теме его слепоты:
- Пусть в нашем разговоре будет лирика, а не клиника.

Это было истинно солдатское стремление никак не подчеркивать своего увечья, никогда не упоминать его в предисловиях, выступлениях по радио - или упоминать очень бегло.

Но именно эта вынужденная в силу слепоты приверженность к устной традиции наложила свой отпечаток на его стихи. Зачастую они получались очень длинными, многословными: поэт использовал скорее ораторские, риторические, чем чисто поэтические приемы.

Отсюда, по мнению критиков, и длинноты, и морализаторство, и сюжетность большинства асадовских баллад. Фольклору вообще присуща фабульность, он тяготеет к подвигу, к могучему героическому сюжету, к эпической фигуре в центре его: любовь, так уж до гроба; драка, так тоже - до смерти.

Я стараюсь подлинных историй не брать

Славу Асадову принесла пространная лирическая повесть в стихах **«Галина»** (1958). Тогда жанр повести в стихах, жанр очень советский, ампиричный и в то же время устный, вообще был популярен. **Пастернак, Доризо, Смеляков, Долматовский, Софронов, Саянов, Антокольский, Самойлов...** - все оставили по роману или повести в стихах.

Сегодня современные критики ругают эту прозу в стихах за ее гладкость, многословность, надрывную патетичность, за историко-революционный уклон с элементом здорового соцреализма, за авторские отступления и непременною комсомольскую любовь в центре сюжета на фоне разных испытаний.

Повесть Асадова читалась легко. Сюжет ее прост: молодая женщина Галина любит молодого мужчину Андрея. Она готовится стать матерью. В него же, статного геолога, гордость курса, влюблена другая молодая женщина, Татьяна. В геологической экспедиции, в непогоду, в избушке между Андреем и Татьяной происходит адюльтер, и

сладкая, знойная Татьяна совершенно затмевает в памяти геолога синеглазую, чистую беременную Галину. Галина становится матерью и растит сына. Эпически идут года. Галина окружена очень хорошими людьми - фронтовиками, таксистами, текстильщиками и другими сквозными персонажами советской оттепели.

Андрей глубоко раскаивается и возвращается. *«Предательство!»* - говорит героиня. Но герой не отступает, все бежит на свидания к сыну, пускает с ним кораблики... Повесть заканчивается открытым финалом: простит ли, не простит ли...

Слезы катятся у всех: и у Галины, и у читателя.

- *Это не подлинная история, нет,* - объяснял Асадов. - *Я стараюсь подлинных историй не брать, а как-то их переосмысливать. Вот случай, описанный в «Балладе о рыжей дворняге», был в Свердловске, где мы с мамой жили в тридцатые годы. Только через много лет я это написал... Истории, описанной в «Петровне», тоже не было, я ее придумал, но, мне кажется, такое происходило сплошь и рядом...*

(Примеч.: молодая девушка-врач живет в деревне, любимый со скуки ее бросает, уезжает в город, потом винится, открытый финал: простит-не-простит и слезы)

А после «Галины» - года через два или три - я получил письмо от женщины, которую точно так же звали Галиной, и муж - Андрей, и была Татьяна... Она поражалась, откуда я так все знаю, и обижалась только, что не переименовал имен.

Особенно известны у меня «Дворняга», «Сатана», «Они студентами были», «Доброта», «Цыгане» и «Баллада о любви и ненависти». Когда Галина Валентиновна читала на вечерах «Балладу о любви и ненависти», секунды две-три стояла полная тишина, а потом - взрыв аплодисментов, что-то оглушительное!

(Примеч.: Асадов не видел своих переполненных залов. Но он слышал их - гром оваций, рыдания, крики... И чувствовал тысячи рук, тянущихся пожать его собственную красивую, аристократическую, нервную руку.)

- *Это - романтический сюжет,* - пояснял Асадов. - *Ничего подобного в жизни не происходило. Там предельная ситуация: после катастрофы замерзает летчик, связь с ним только по рации, найти его не могут - ночь, буря, - надо продержаться до рассвета. А он по рации передает, что сейчас замерзнет. И тогда в рубку радиста приводят жену: она сначала пытается его удержать на свете любовью, мольбами - ничего!*

И тут она женским своим чутьем понимает, что ненависть бывает сильнее любви. И говорит ему: *«Я хочу, чтобы ты знал: я люблю другого, твоего лучшего друга, и завтра мы с ним едем в Крым». И сила ненависти оказывается такова, что летчик всем смертям назло доживает до утра; а когда его находят, она ему во всем признается, потому что ненависть «не самая сильная вещь на свете». Могло ли такое быть? Наверное, могло. Но для меня не это главное.*

Я - ваш поэт! Я воевал со злом!

Настоящая слава Асадова связана не с военными и не с патриотическими стихами. Последних у него относительно немного, он никогда не спекулировал на этой теме. Настоящая его слава связана со стихами о любви, в которых всегда есть измена, раскаяние и слезы. Эти стихи называли еще рифмованными прописями.

Асадов - поэт сентиментальный и назидательный, как Карамзин (и, как Карамзин, он сбивает пафос дружелюбной иронией, потому что читателя своего искренне любит). Ему часто говорили, что он - «поэт для девушек».

- *Но разве девушки - не люди?* - отвечал он. И девушки рыдали над его «рыжей дворнягой».

Он любовался твердостью своих неярких, неброских, но непрощающих героинь. И он же от души, горячо прощал грехи своим непостоянным героям, страдал за них, жалел их...

Он жалел медвежонка, который вырос матерым и злым медведем потому, что охотники застрелили его мать. Он жалел гордого бенгальского тигра, убегающего в снежное поле из товарного вагона - на верную гибель.

То, что стихи Асадова не выдерживают никакой критики с точки зрения литературных критериев, - вещь очевидная. Но надо понимать и то, что его поэзия - это «другая» поэзия. Подобные стихи пишут почти все читатели Асадова: библиотекари, курсанты, офицерские дочки... Только у него, конечно, глаже, строже, сюжетней. Но ценности, утверждаемые им, - ценности нормальные, хорошие. Это - главное!

Поэтому ситуация, при которой 100 из 150 опрошенных комсомольцев любимым поэтом называли Асадова (так было в 70-х, об этом писала «Комсомолка»), - была вполне нормальна.

А воспитывать народный вкус, по мнению тех же литературных критиков, дело не особо благодарное. Фольклор ведь тоже полон банальностей и длиннот, да только обаяние его не в оригинальности, а в непосредственности.

«*Баллада о рыжей дворняге*» - это поп-культура. Но другой массы и не хотели. Более того: один киевский врач написал Асадову, что медикаментов не хватает, бинтов, простынь нет, - и тогда, нищий, беспомощный, чужой на независимой Украине, он приходит к своим больным и читает им вслух Асадова. И им легче, потому что больной или запуганный человек особенно чувствителен к сентиментальной, пусть и банальной поэзии.

Сам Асадов считал так:

-Как бы мы ни относились к советской власти, я смириться не могу с тем, что нас оглуляют, что отовсюду несетя чудовищная пошлость, что раньше нас уважали, а сегодня протягивают два пальца и разговаривают через губу... Главное же - это страшное обольванивание, вытантывание культуры!

Эдуард Асадов умер в 81 год, прожив долгую, плодотворную жизнь. Но перед этим успел написать всем известные строки:

Когда я сгину в вихре грозном,
Друзья мои! Вы в смерть мою не верьте.
Я - ваш поэт! Я воевал со злом
За ваше счастье пулей и стихом.
А для поэта не бывает смерти!

Этот красивый, добрый, мужественный человек, настоящий солдат, и сегодня остался кумиром и образцом для миллионов. Его поэзия, его культура - самый массовый ее вариант - несет в себе и добро, и красоту, и сострадание: в том виде, в каком они понятны стране.

И за это я низко кланяюсь Асадову, самому известному поэту самой большой страны.

ЛИТЕРАТУРА:

Его произведения:

1. Асадов Э. Избранное. В 2-х томах. - М.: Художественная литература, 1981.
2. Асадов Э. Собрание сочинений. В 3-х томах. - М.: Художественная литература, 1987.
3. Асадов Э. Собрание сочинений. В 6-ти томах. - М.: Граница, 2003
4. Асадов Э. Во имя большой любви. - М.: Молодая гвардия, 1963.
5. Асадов Э. Дорога в крылатое завтра. - М.: Эксмо, 2004.
6. Асадов Э. Когда стихи улыбаются. - М.: Эксмо, 2004.
7. Асадов Э. Лирика. - М.: Эксмо, 2006.
8. Асадов Э. Первое свидание. - М.: Эксмо, 2006.
9. Асадов Э. Праздники наших дней. - М.: Эксмо, 2006.
10. Асадов Э. Ты снова придешь ко мне. Поэзия и проза. - М.: Эксмо-Пресс, 2006.

11. Асадов Э. У любви не бывает разлук. - М.: Эксмо, 2006.
12. Асадов Э. Что такое счастье. - М.: Эксмо, 2005
13. Асадов Э. Что такое счастье: Стихотворения. «Золотая серия поэзии». - М.: Эксмо. 2008. - 416 с., ил.

О нем:

1. **Быков Д.** Баллада об Асадове//Быков Д. Блуд труда: Сборник статей 1994 -2002 г.г.- М., 2002.
2. **Дзюбинский Л.И.** Герои города Серова. – Серов, 2010.
3. Ради вас, люди/И.С. Стрельбицкий.- М.: Советская Россия, 1979.
4. **Розанов И. И.** Русская советская поэзия 50-70- х годов. Хрестоматия. - Минск: Вышэйшая школа, 1982.